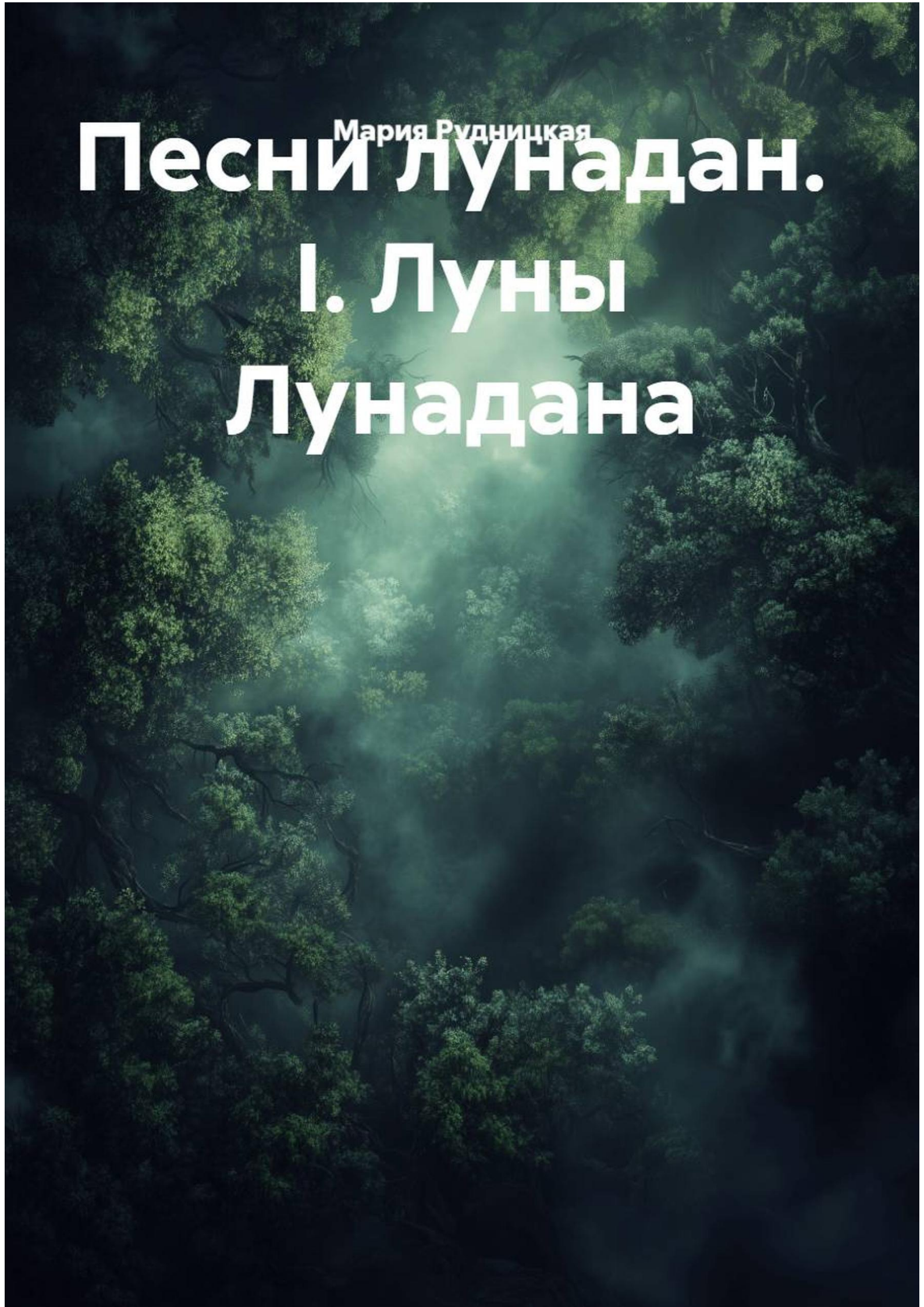

Мария Рудницкая

Песни лунадан.

I. Луны Лунадана

Мария Рудницкая

Песни лунадан. I. Луны Лунадана

«Автор»

2026

Рудницкая М.

Песни лунадан. I. Луны Лунадана / М. Рудницкая — «Автор», 2026

Трилогия рассказывает о встрече людей и дивных (лунадан), изначально живущих в двух обособленных мирах со своими проблемами, войнами и дворцовыми интригами. Действие первой книги происходит в Лунадане. Она повествует о конфликте высших и запредельных лунадан. Одержав победу в «тайной войне», высшие лунаданы нарушают гармонию своего мира настолько, что у них перестают рождаться дети. Это, в свою очередь, приводит к детской дани, дворцовым интригам и мятежам. Заканчивается книга тем, что в результате борьбы и жертв, на свет появляется новый наследник – сын Владыки и Зелёной Девы, который должен восстановить мир в Лунадане, но он исчезает и оказывается в Ярвалле, средневековом мире людей. Трилогия относится к жанру поэтического исекай. В тексте много стихов балладного и сентиментального порядка. Особая роль отводится отсылкам и переработкам сказок и притчей, сделанных на материале ирландского эпоса, сказов Бажова, русских сказок, китайского эпоса.

© Рудницкая М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Мария Рудницкая	5
Пролог*	6
I. Зов Зелёной Луны*	7
II. Дети из грязи*	9
III. Завитушка*	12
IV. Госпожа Валем*	15
V. Скажи и помни*	17
VI. Жизнедерево*	20
VII. Песня Ойки*	22
VIII. Раз, два, поворот!*	24
IX. Травлик*	30
X. Заоблачная усадьба*	33
XI. Праздник Янтарной Луны*	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Мария Рудницкая

Песни лунадан. I. Луны Лунадана

Мария Рудницкая

Луны Лунадан

“Мы сами себя прокляли...”

Пролог*

– Что ты видело во сне, Дитя? – спросила Старшая, словно малыш мог говорить.

– Спой мне об этом, – попросила Старшая, словно малыш мог петь.

Он лежал и смотрел, широко раскрыв глаза, и видел что-то видимое только ему. По его лицу проносились то удивление, то смущение. Он морщил лобик, словно пытаясь что-то понять, и беззвучно шевелил губами.

На глазах он становился прозрачным, превращаясь в призрака. Его розовые пальчики становились белыми и бестелесными, щёки меняли свои очертания, становясь больше похожими на пар или туман. Только глаза светились в полутьме, изо всех сил, удерживая своё внимание на этом мире.

– Уйдите все, оставьте нас вдвоём.

Она посмотрела на своего любимого взглядом, в котором были нежность и прощание.

Старшая склонилась над младенцем, приблизив своё лицо к его лицу настолько близко, насколько это возможно, и стала петь.

I. Зов Зелёной Луны*

Спустя много лет, владыка Лунадана стоял перед портретом немолодой, но очень притягательной женщины с ясным и пронизательным взглядом. Любому могло показаться, что она смотрит прямо в душу, пробуждая желание отвести свой взор. А он смотрел во все глаза. В данный момент – это были воспетые бардами *«очи зелёного пламени, что сердце твоё опалит»*. Девушки со всего города каждый день приходили в Зал Наслаждений, чтобы соблазниться красотой Владыки – тёмные волосы, орлиный нос и те самые зелёные глаза. Стоит ему улыбнуться, и любая будет на седьмой Луне от счастья.

Но сегодня из всех возможных женщин, жаждущих его внимания, Наран выбрал свидание с портретом матери своего отца. Абра и после своего ухода, давала ему то, что только бабушка может дать внуку – чувство безусловной любви, не требующей ничего взамен.

С тех пор, как родители погибли, а его самого поразил смертельный недуг, Наран, время от времени, ощущал огромную дыру в своей душе, бездонную, как Валморский кратер. Абра вернула его к жизни, отдав взамен свою, чтобы он мог править Лунаданом, как это делали его предки много веков подряд. Одиночество придавало его существованию горький привкус, избавить от которого не могли даже самые сладкие женские чары.

За стеной раздались нарочито беззаботный девичий смех и звуки арфы – кто-то навязчиво манил Нарана к себе, играя с его воображением в нежные игры, рисуя пленительные ласки, шепча слова страсти и любви. Владыка вытянул перед собой руку – перстни мягко переливались в такт музыке, препятствуя намерению сладких голосов увести его за собой.

Он хлопнул в ладоши. Музыка наваждений смолкла, но ненадолго. Чтобы избежать назойливых приглашений, Наран не придумал ничего лучше, как выйти на внешнюю дворцовую галерею, озарённую светом Зелёной Луны. Перед ним простирался огромный дворцовый парк с фонтанами и каскадами, каменными фигурами и высокими лабиринтами из цветов и деревьев.

Светское общество развлекало себя прогулками по яшмовым дорожкам от сада к саду, где каждое растение оживало, стоило к нему только приблизиться. Придворные шуты, одетые кто бабочкой, кто птичкой кувыркались по зелёным лужайкам, дурачились, прыгали в фонтаны или распевали наспех зарифмованные дворцовые сплетни, аккомпанируя себе на небольших арфах.

Было время Изумрудной Луны, которая говорила с растениями и цветами. Это напомнило ему детство, когда бабушка впервые привела его в дворцовый парк в пору зелёнолуния.

Абра взяла его за руку, и они пошли по яшмовой тропинке в сторону огромного цветника. Благоухающие волны одна за другой другой то накатывали, то отступали.

– Сегодня они в полной силе своего великолепия. Каждый цветок имеет незримую власть над нами. Аромат зовёт и притягивает, а притянув, может сделать всё, что захочет – успокоить, усыпить, испугать или взволновать. А некоторые цветы могут поведать целые истории и время Луны, под которой они родились.

Одна из лилий вдруг вытянулась и стремительно приблизилась к лицу мальчика, словно хотела заглянуть ему в глаза.

– Тшшшш... – сказала бабушка, – будь вежливым, покажи, что тебе приятно с ней познакомиться.

Наран замер и попытался, насколько это возможно по отношению к цветку, улыбнуться. Он протянул палец, чтобы коснуться лепестков, но лилия отпрянула и тут же обвилась вокруг его руки. Вначале было благоухание, а затем – видение. Он стоял перед Зелёной Луной. Её поверхность находилась в движении, как вода. Зеркало Луны отразило сперва его самого, а затем проступил незнакомый ему женский лик: нежные глаза смотрели с любопытством и

осторожностью, губы застыли в полуулыбке. Многочисленные гладкие косы, обвивающие шею, напоминали длинные листья речной ивы.

Абра сделала неуловимый жест, и лилия отольнула от Нарана. Источая едва уловимый запах, она тут же затерялась среди себе подобных. Изумление быстро прошло, уступив место чистой детской радости – Наран бегал от цветка к цветку и всюду находил что-то забавное и невероятное.

Шиповник играл со шмелём, как с маленьким щенком – дразнил его своим нектаром, а затем ловко уклонялся, не давая ему приземлиться на цветок. Когда шмель всё-таки пробрался внутрь, шиповник мгновенно сомкнул лепестки, заточив его в своём бутоне. Наран во все глаза смотрел, что будет дальше? А дальше цветок резко раскрылся, шмель вырвался и без оглядки умчался в зелёное небо.

Как он смеялся! Как бегал по извилистым дорожкам, перепрыгивая через внезапные выюны, уваливая от душистых чашечек, стремясь туда, вперёд – под тёмно-зелёные арки ветвей. А когда остановился, чтобы перевести дух, то почувствовал, что кто-то робко и застенчиво обнял его за плечи. Это был куст можжевельника. В объятиях запашистых хвойных лап было так уютно и спокойно, что маленький Наран успел даже немного вздремнуть, пока Абра не разыскала и не ответила на все-все его детские вопросы – про цветы, кусты, деревья и всё живое, с чем говорит Луна цвета изумруда.

Давно это было, а словно вчера. Кому рассказать об этом? Где родная душа, которая бы откликнулась на его детские воспоминания? Посмеялась или погрузила бы вместе с ним? Владыка Наран ещё никогда не чувствовал себя таким одиноким. Его единственный сын не приносил ему радости и не откликался душой. Он был отстранён и сосредоточен исключительно на себе. Казалось, сам голос Нарана вызывает у него головную боль. С тех пор, как мальчику подарили кристалл защиты, он не снимал его с шеи. Любые попытки достучаться или вступить в слияние душ были бесполезны.

Зато его мать была, очевидно, довольна. Холодная, как Чёрная Луна, Валем, впитавшая её силу, живущая под её властью. Чёрнолуние пробуждает способности влиять на людей, лишая при этом радости любви.

Мать наследника Лунадана не скрывала отсутствие чувств к отцу своего ребёнка. Зачем, когда её статус неоспорим, и когда дворец полон девушек, готовых каждую минуту дарить себя Его Владычеству ради призрачной возможности родить дитя? Другое дело – её ненаглядный сын, к которому она никого не подпускала, боясь перемещения, и которого воспитывала сама.

Как ликовал Лунадан, когда родился Андияк, названный так в честь своего прадеда, победившего в Тайной войне! Целую Луну не смолкали весёлые пиры во дворце!

Когда у высших лунадан рождается ребёнок, на всё Владычество снисходит благословение. Это настоящее чудо, дающее надежду народу, на котором лежит проклятие Кулах, известное каждому: *«пусть дети, родившись напомнят, сколь велика ваша немощь»*. Рождение ребёнка было настоящим даром Луны, невероятным счастьем для родителей и завистью для всех остальных. Детей было так мало, что можно считать, их почти и не было.

Огромный кратер в груди тоскующего Владыки чернел и требовал заполнить свою пустоту хоть чем-нибудь. Наран вышел из своих печальных размышлений и обратил взор на горизонт – туда, где изумрудное небо сливалось с зелёными холмами. И пока Владыка смотрел, его желания, благодаря силе перемещения, сами собой исполнялись – трубили золочёные рога, егери, охотники и гончие наполнили яшмовый двор, лязгало оружие, елени волновались в предчувствии открытого пространства – всё было готово к охоте.

Владыка сверкнул зелёными глазами и помолодел, став юношеской версией себя – волосы удлинились, чтобы развиваться на скаку, кровь взыграла, мышцы жаждали испытаний, зрение и слух обострились. Он проверил, хорошо ли закреплена пряжка плаща и отправился на охоту.

II. Дети из грязи*

А в это время далеко-далеко за холмами, похожими на спины гигантских зелёных кудрявых баранов, которые всё никак не убегут за горизонт, в деревне наивных и трудолюбивых стекловаров жизнь шла своим чередом.

Лейла переделала все домашние дела, как и обещала маме. Покормила скотину, собрала овощи с огорода, постирала одежду, пока Помс во дворе играл с глиняными горшками. Затем она решила приготовить обед, да так увлеклась, что совсем забыла про брата. Ну да ладно, ворота закрыты, куда он сможет уйти?

Колдуя над дымящейся кастрюлей, она готовила похлёбку Лейла-суп, которую, конечно, оценят папа с мамой, вернувшиеся из стекловарни. А ещё в глиняном чане готовился молодой сыр, пуская пар через множество круглых дырочек.

Если бы Лейла в этот момент повернула голову, она бы увидела, как Помс, бросив свои горшки, внимательно наблюдает за рыжим котом, который с земли на поленницу, с поленницы на сарай, а с сарая прямоком за забор отправился по своим делам. Но Лейла не заметила, как её младший брат, которому она настрого запретила покидать двор, отправился за забор путём рыжего кота. Вот сыр и готов! Лейла отрезала кусочек и попробовала. То что надо!

– Помсик, иди чего дам! – крикнула она из глубины кухни, надеясь, что услышит быстрый топот маленьких ножек со двора.

– Помс! Я сделала твой любимый сыр, сейчас всё сама съем! Помс?

Лейла выглянула во двор. Разбросанные черепки глиняных плошек, да рыжий кот, вылизывающийся на поленнице.

Лейла отперла ворота. Хотя сердце во всю уже било тревогу, она надеялась, что увидит его у колодца или под деревом, что росло у дороги, но нет, его там не было.

Грязная просёлочная дорога петляла вокруг зелёных холмов. Луна, отражаясь в многочисленных лужицах, окрашивала их во все оттенки зелёного. Мягкая глина сладко чавкала под босыми ногами, отзываясь урчанием в голодном животе. Но Помс не чувствовал голода, он ускорил шаг, и вскоре после очередного поворота дороги, он увидел её – грязюку, огромную лужу, полную глины, которая так и манила его к себе. Чего ещё надо пятилетнему ребёнку?

Помс на мгновение замер на краю грязюки и вдохновенно ринулся в неё. Жижица. Месиво. Хлябь. Размазня. Хлюпица. Помс шлёпнул ладошкой по гладкой сливочной поверхности грязной жижи, и она отозвалась в нём, так, что он зажмурился от удовольствия и звонко рассмеялся. Помс запустил в неё руки по самые плечи, а когда вытащил – грязь как живая тянулась за ним, как широкие рукава или крылья. Помс влюблённо смотрел на грязь, а она, очевидно, смотрела на него. Потому что в следующий момент грязюка забурила в нескольких местах и из неё показались головы четырёх мальчуганов с беззубыми улыбающимися ртами.

Помс вскочил и, повинаясь восторгу, а может, наитию, жившему в нём, хлопнул в ладоши высоко над головой. Он хотел, чтобы грязюка продолжила играть с ним! Головы глиняных мальчуганов стали расти над грязной жижей, показались плечи, руки, круглые животики и все мальчишки целиком. Помс взвизгнул и побежал. Глиняные копии повторяли точь-в-точь все его движения. Счастье Помса было таким же бескрайним, как грязюка, по которой они скакали, плюхали, поднимая кучу брызг и радостных грязных пузырей.

– Поооомс!

Голос сестры застал его врасплох. Помс вылез из грязи и побежал по дороге, ведущей к дому. Четверо его копий неотступно следовали за ним. И вот уже Лейла могла различить на дороге пятеро чумазых мальчишек, бегущих ей навстречу. Только у одного из них радостно белели живые глаза на чёрном лице.

Вначале Лейла обрадовалась, потом разозлилась, ну и получит он сейчас у неё! Но вдруг она увидела такое, что заставило забыть о всех этих глупостях. Из-за холма показались двое. Никаких сомнений не было – вербовщики. В любое время они могли появиться и увести любого ребёнка с собой в дворцовый город, чтобы сделать его слугой высших лунадан. Вот почему родители, отправляясь на работу, запирали детей дома.

– Помс! – крикнула Лейла, – беги домой!

Помс откровенно не понимал, что происходит. Он крутил головой – на Лейлу и на вербовщиков, которых видел первый раз в жизни, а четверо чумазек повторяли за ним. В это время вербовщики не спеша стали спускаться с холма.

– *Скажи и помни, стекляшка, у тебя нет больше дома, ты принадлежишь Высшему Лунадану. У тебя нет родителей, нет братьев, только служба его Владычеству.*

– У меня нет родителей, нет братьев, только служба его Владычеству, – как эхо отозвалась Лейла и пошла навстречу вербовщикам, один из которых уже спешил с еленя, чтобы увести её навсегда из родного дома.

Второй вербовщик внимательно смотрел на пятерых чумазек. Чумазеки хором крикнули: «Лейла!» и бросились вслед за девушкой. Один из них упал, другие упали тоже, затем вскочили и, снова ринулись за сестрой, которая никак не реагировала на их крики и безучастно двигалась по направлению ко всадникам. Лицо второго вербовщика было встревожено.

– Тут что-то не так, – сказал он первому. – Мальчишки не реагируют.

– Странно, – ответил первый, – попробуй ещё раз.

– *Скажи и помни! У вас нет больше дома, вы принадлежите Высшему Лунадану, следуя третьему пункту Договора о детях, заключённому по окончании Тайной Войны. С этого момента у вас нет родителей, нет сестры... Скажи и помни...*

– Сам скажи! – с этими словами пятеро мальчишек наконец-то догнали Лейлу и вцепились в подол её красного платья.

Лейла никак не отреагировала, зато второй всадник спешил и бросился к ним. Он схватил ближайшего чумазеку за руку, но рука с хлопком оторвалась, забрызгав грязью красивый камзол вербовщика.

– Гадость! – крикнул вербовщик и схватился за второго.

Попытка закончилась оторванной головой и фонтаном грязи, обдавшем уже лицо и волосы высшего лунадана.

– Ты! – закричал Помс, – ломаешь моих друзей! – И он кинулся с остальными товарищами на всадников,

– *Скажи и помни... у тебя нет больше дома...* – вербовщик оставил последнюю надежду хоть как-то подчинить непонятно каких существ, он уже сомневался, что перед ним живые дети.

Уклоняясь от комьев грязи летевших в них, они усаkali прочь, увозя с собой Лейлу.

Когда родители Лейлы и Помса вернулись домой, они застали всех чумазек, сидящих во дворе. Один из них, бросился к ним, размазывая по лицу слёзы. Слёзы смывали грязь, открывая взору безутешное лицо Помса, потерявшего свою сестру.

Поздно ночью в двери постучалась старая Окума. Пять вёдер воды вернули Помсу прежний вид пятилетнего сына стекловаров. Окума положила руки ему на плечи и они сблизались душами, чтобы старейшина узнала всю правду об исчезновении Лейлы.

Этот день Помс запомнил навсегда. Он ведь так любил свою сестру! Она заботилась о нём: делала из разноцветного стекла шарики, его первые глиняные игрушки, варила самый вкусный сыр! Но больше всего ему нравилось смотреть, как зажигались особым светом её глаза, когда она подносила руку к горстке песка, и пока песок плавился, превращаясь в прозрачную каплю, в ней отражался весь мир.

А ещё Лейла рассказывала страшные сказки, которые рассказывают всем детям Стекланной деревни. Стоит выйти ребёнку за порог, из-за холмов приходят вербовщики и уводят тебя навсегда из родного дома, используя силу своего слова. Помс снова вспомнил, что с ним приключилось днём, что стало с Лейлой и снова шмыгнул носом.

– Одно мне не понятно, – сказала Окума. – Почему они не смогли тебя забрать. Нет, это безусловно, хорошо. Хорошо, что не забрали, – повторила она, глядя, как мать, прижимает Помса к себе.

– Может, они не смогли отличить его от его игрушек? – предположил отец.

– Они не игрушки, они друзья! – запротестовал Помс.

– Друзья, говоришь? – старая Окума прищурилась и ткнула пальцем Помса в лоб. – Не по возрасту тебе ещё слиянием заниматься. А если бы не ты грязь, а она тебя? Да что я говорю тебе, мал ты для таких вещей. Не уж-то не страшно было?

Помс помотал головой.

– Наши повинности перед Высшим Лунаданом никто не отменял. Мальчика заберу себе на обучение, когда подрастёт, – сказала Окума родителям на прощанье и исчезла в темноте.

– Мам, а Лейла к нам вернётся? – спросил Помс.

– Нет, Помсик, теперь она будет жить не нашей жизнью, а жизнью других лунадан. Далеко от нас, во дворцовом городе.

– Ей там будет хорошо?

– Нет так хорошо, как с нами.

– Почему?

– Потому что там она такая же забава для лунадан, как твои глиняные человечки для тебя. И ни одной родной души рядом.

III. Завитушка*

Дворцовый город находился на высоком холме и представлял собой три террасы, разделённые каменными стенами. На самом верху находился дворец Владыки Лунадана. Украшенный самоцветами и каменными изваяниями, он был воплощением вершины искусства горных лунадан, проигравших в Тайной войне. Камнедвиги находили и перемещали самые лучшие и красивые камни со всего владычества. Камнеделы уговаривали камни принимать формы покоев, роскошных залов и галерей.

Непосвящённому могло показаться, что дворец нерукотворен, что сама гора породила его во славу Его владычества. Вокруг дворца раскинулись парки и сады с озёрами и родниками, фонтанами и каскадами. Это всё выглядело как нерукотворное творение самой природы, а на самом деле, было возвращено и орошено душами лесных и озёрных лунадан в качестве уплаты дани и в надежде, что высшие лунаданы не станут тревожить их земли, с которыми они были связаны крепче, чем с собственными жизнями.

Вторая терраса, что окружала дворцовый город, была светской. В этой части города жили лунаданы, не приближенные ко дворцу и его знати. Это были люди, которые жили так, как позволяла им степень владения даром перемещения.

Кто был успешен мог работать целителем, учителем, мог преуспеть в искусствах, музыке и поэзии, кто владел даром в меньшей степени, был стражником, солдатом или вербовщиком. Эти управлялись своим даром достаточно грубо с целью подчинения других для службы и для нужд Лунадана. В этой части города, как и во дворце, можно было услышать крики диковинных птиц, пение баллад, музыку, рычание диких животных из дворцового зверинца, звон хрустальных фонтанов под лёгкими порывами ветра, но почти никогда – детский смех или плач.

Нижний ярус города был полон детей, но это были чужие дети. После победы над заповедными лунаданами, высшие лунаданы брали дань детьми, которых забирали из лесов, озёр и холмов и перемещали в город. Такие дети забывали своих родных, свою родину, свои дома.

Дар высших лунадан позволял им стереть из детского сознания бывшие привязанности, заменив их на долг служения Владычеству. Из этих детей получались великолепные мастера, повара, ремесленники, прачки, уборщицы, швеи – всё для обслуживания роскошной жизни дворца и его обитателей.

Лейла очнулась от звука захлопнувшихся за ней ворот. Она сидела на елене, пока вербовщики переговаривались со стражниками.

– Сегодня у вас удачный день, давно от вас ничего не было! Эрл, ты выглядишь как свинья!

– Хорошо тебе тут сидеть за воротами, посмотрел бы я как ты этих дикарей по грязным ямам, да по терновникам отлавливал!

– Ну и платят тебе за это больше. Грязная работка – в золоте борода, хе-хе!

– Никак не могу понять – ты смешной или тупой, Гарт, – вербовщик слез с еленя сам, а затем снял Лейлу, – отведи еленей, да смотри, не насмеши их ненароком, а то забодают со смеху.

– Пошли! – второй вербовщик взял девочку за руку и повел в сторону длинного каменного дома, а Эрл пошёл в сторону колодца, отмывать грязь, которая уже накрепко приросла к лицу и волосам.

Лейла стояла одна посреди пустого просторного зала. Камин, маленькие тусклые оконца и лавки вдоль стен – очень скромное убранство, но она впервые была в таком большом помещении, и казалась сама себе крошечной и ничтожной. Вербовщик сказал: «Стой тут,» – и скрылся за высокой дверью, оставив её совершенно одну.

Она с жадностью впитывала всё, что окружало её, потому что кроме этого у ней ничего не было за душой. Никаких воспоминаний, никаких привязанностей, никакого прошлого. Все её знания и опыт превратились в догадки и смутные представления. Маленький паучок спустился с потолка и завис прямо перед ней.

Лейла смотрела на него во все глаза – с одной стороны, она видела его впервые в своей жизни, с другой, где-то внутри она понимала, что это существо живое и забавное, совсем не опасное для неё. Она протянула палец, и паучок, оттолкнувшись от него всеми ножками, на всякий случай поспешил подняться повыше.

– Кто это тут у нас? – раздался голос в отворившейся двери.

Плотная щекастая женщина в голубом тюрбане, звеня длинными серьгами быстро шла по направлению к девочке. Лейла смотрела на неё, как только что смотрела на паука – огромными глазами, в которых уже был испуг, потому что она не знала, чего ожидать и что последует дальше. В двух шагах от девочки женщина остановилась и сказала, уже другим голосом, глядя Лейле прямо в глаза:

– Ага, тебя зовут... мммм.... Завитушка. Скажи и помни: Завитушка.

– Завитушка, – Лейле почему-то очень хотелось делать так, говорит эта женщина в тюрбане.

– Отлично! А меня – дресса Конта Справедливая, скажи и помни.

– Дресса Конта Справедливая.

– Тааак. Что у тебя есть?

Лейла не поняла вопроса, просто стояла и смотрела на Конту Справедливую.

– Что там? – дресса указала на вместительный карман её передника.

Девочка засунула обе руки в карман и продемонстрировала его содержимое, которое едва умещалось в её руках.

Тюрбан приблизился вплотную.

– Кусок хлеба, сыр, мешочек сладкой глины и... – рука Лейлы дрогнула и из неё выскочил стеклянный шарик, забава для малыша Помса, который Лейла сама когда-то сделала, а теперь увидела его в первый раз в жизни.

Шарик, высоко подпрыгнув на каменном полу, скрылся в дальнем углу где-то под лавками.

– Ничего интересного... – разочарованно пропела дресса, потряхнув серёжками, – а теперь смотри, что у меня есть.

Женщина достала из мешочка, который висел на её поясе три предмета – камешек, кедровую шишку и круглый пузырёк с чем-то жидким внутри.

– Что ты выберешь?

Лейла непонимающим взглядом смотрела то на дрессу, то на предметы. Затем взяла шишку, поднесла к уху, потрясла и улыбнулась лёгкому и приятному шуршанию внутри.

Следующим был камешек. Она подняла его вверх, в надежде что-нибудь разглядеть на просвет в тусклых лучах маленьких окон. Когда она вернула камень, дресса вскрикнула, настолько он был горячим.

Стеклянный пузырёк Лейла не брала вовсе – он сам подлетел к ней и завис над её ладонями. Стекло стало текучим и жидким. Оно двигалось, вначале сохраняя форму шара, затем приняло форму куба, капли, многогранного кристалла.

– Довольно, девочка, остановись.

Конта взяла её за руку и быстро повела куда-то, закрыв за собою высокую дверь. Паучок и стеклянный шарик остались в зале.

Когда ни шли по едва освещённому коридору, Лейла еле успевала за дрессой, ей же приходилось на бегу осознавать всё, что она видела вокруг.

– Это учебные комнаты, это скотный двор, это мастерские, это спальни, это мой кабинет, ещё спальни, это столовая, это кухня, это прачечная...

Везде Лейла видела девочек и мальчиков в одинаковых одеждах, которые, не обращая на неё внимания, занимались своими делами. В прачечной было жарко и влажно. Клубы пара вздыхали и поднимались к потолку. К дрессе тут же подбежали две девочки в синих передниках.

– Здравствуйте, Конта Великолепная, Конта Мудрая – сказали они одновременно, но по-разному, – готовы служить!

– Кадушка и Утюжка, вот вам новенькая, её – помыть, переодеть в белое, накормить и отправить на кухню. Вы меня поняли?

– Готовы служить! – девочки присели в реверансе и так оставались, пока не стих звон удаляющихся серьг.

Когда дресса скрылась в коридоре, девочки уставились на Лейлу. Одна из них шагнула к ней навстречу, взяла за руки и спросила, с тихой улыбкой:

– Как тебя зовут?

– Завитушка.

– А я – Кадушка, она – Утюжка. Пойдём с нами!

Все это выглядело как начало интересной игры. Лейла-Завитушка была рада знакомству, новому белому переднику и новым приключениям, которые ждали её впереди. Что такое столовая? Что такое кухня? Ей предстояло это узнать.

IV. Госпожа Валем*

А в это время в верхнем дворце стоял переполох, ведь, стоило Владыке Нарану покинуть его, в нём сразу появлялась его жена Валем, чтобы насладиться властью, полученной благодаря рождению наследника Его Владычества.

Ещё не стихли цоканье копыт еленей и лай охотничьих собак, как тонкая фигура в струящемся фиолетовом платье с кристаллом защиты на груди устремилась по коридору, ведущему из восточного крыла в западное. Двое слуг в зелёных ливреях вначале бежали следом, затем, изловчившись, на одном из поворотов обогнали, только для того, чтобы распахнуть перед ней серебряные двери тронного зала. Поэт с соседней галереи всё это видел и записал в книжицу:

Как тонкая и острая стрела

Она неслась без страха и сомнений...

Иль это цель неслась навстречу ей,

Притянутая властным повеленьем?

– Позвать мне Распорядителя Дворцовых Пиров! – низким бархатным голосом, произнесла она, глядя на слуг с высоты трона Его Владычества.

– Позвать мне Начальницу Стражи!

Слуги побежали выполнять приказания, а Валем откинулась на золотые подушки трона и прикрыла глаза. Если бы кто-то наблюдал за ней со стороны, он бы заметил, как постепенно менялся её облик.

Сначала её острые черты лица смягчились, белая кожа порозовела, изгиб бровей стал плавнее, волосы растеклись по плечам блестящими волнами, губы припухли и приобрели рубиновый спелый оттенок, ресницы создали мягкую полутень, подчеркивавшую выразительные глаза. Глаза из карих стали серо-синими. Тело уже не выглядело таким худым, оно приобрело девические округлости, изящные изгибы и упругие выпуклости.

Вскоре послышался перезвон золотых пряжек распорядителя пиров. Чудаковатый и обидчивый, не в меру эксцентричный, он был лучшим в своём деле. Его готовы были терпеть за то, что на его пирах можно было забыть обо всём и не знать недостатка ни в чём – ни в зрелищах, ни в угощениях, ни в лунном эле.

Сегодня он решил предстать перед двором в образе птицы. Воротник и манжеты, короткий плащ – оторочены короткими острыми перьями. Длинное фазанье перо свисало с широкополой шляпы.

– Моя Госпожа! – он выставил вперёд свой золотой ботильон и слегка поклонился, разведя руки в стороны и прищёлкнув пальцами.

– Друг мой, Лирис, вы сегодня превзошли все мои представления о мужской красоте, – пропела Валем своим низким медовым голосом.

Распорядитель быстро выпрямился и ещё раз согнулся, избегая смотреть в глаза Валем.

– Как здоровье юного наследника? – сладким голосом спросил он.

– Волею Луны всё прекрасно. Проводит много времени в зверинце, изучает поведение животных, пробует их дрессировать.

– Он такой у вас талантливый и блестящий. Блестящее будущее всего Лунадана, – пряжки на ботильонах звякнули в знак согласия со своим хозяином.

– За будущее Лунадана я спокойна, давайте поговорим о вашем будущем, Лирис. Что вам о нём известно?

– Очевидно, мне известно меньше, чем вам, моя Госпожа. Готов вам служить!

– Очень хорошо, Лирис. Скажи и помни: завтра я принесу вам меню кушаний и зрелищ для Праздника Янтарной Луны.

– Завтра я принесу вам меню кушаний и зрелищ для Праздника Янтарной Луны.

– Прекрасно, Лирис! Как это во-время, Его Владычеству просто необходим праздник! Намекни хотя бы, чего ждать нам? Чем удивишь?

– О, это будет фурор-восторг-великолепие! Я...

– Достаточно, ты свободен.

Пока ботильоны пятились к двери, Вalem разглядывала своё отражение в перстне с большим чёрным камнем.

Рагмара бесшумно промаршировала к трону, на котором сидела Главная Мать Лунадана и красиво, по-рыцарски отсалютовала.

– Скажи мне, дорогая, – Вalem максимально растягивала слова и тянула время, испытывая то ли терпение, то ли нетерпение начальницы стражи, – скажи мне вот что... как ты думаешь... вернее что ты знаешь о девушках нашего Владыки. Ведут ли себя пристойно, много ли себе позволяют?

– Всё как всегда, Ваше Владычество.

От этого обращения, Вalem мысленно улыбнулась, не подавая виду, и погладила бархатный подлокотник трона.

– Есть ли фаворитки?

– Всё как всегда. Его Владычество интересуется их больше, чем они его в последнее время. Наблюдатели доложили, что он избегает появляться в зале наслаждений и даже блокирует их призывы.

– Вот как? – Вalem резко встала с трона, но тут же спохватилась и сделала вид, что решила снизойти до стражницы.

– Готова служить...

– Скажи и помни: я усилю наблюдение за девушками, и если королевский лекарь сообщит о чуде зачатия, немедленно доложу лично.

– Я усилю наблюдение за девушками, и если королевский лекарь сообщит о чуде зачатия, немедленно доложу лично.

Эту фразу Рагмара говорила стоя по стойке смирно, провожая глазами Вalem, которая кругами ходила вокруг неё во время разговора.

– Иди, – Вalem отступила от стражницы и указала взглядом на дверь.

В последнее время ей плохо спалось. Чёрная Луна подавала ей тревожные знаки о будущем. В нём Наран был удостоен нового чуда – ребёнка с удивительными способностями и который никого не боялся и самое главное, не боялся её, Вalem. Такого будущего она не допустит. Такой Наран ей не нужен. Пусть развлекается, пусть кутит и радуется обожавших его девушек, но ни одна из них не станет новой матерью Лунадана. Мать у Лунадана одна и наследник – один. Её сын Андияк.

V. Скажи и помни*

Аун, любимый елень владыки, мягко ударял копытами в землю, покрытую высокой осокой – особенно изумрудной и густой в пору зелёнолуния. Всюду взору Нарана открывались волнистые холмы с камнями, которые, как рассказывали ему в детстве, были разбросаны огромным великаном. Великан засеял валунами холмы, чтобы из них выросли новые горы, но ничего не получилось, потому что он неправильно выбрал время луны. Камни подчиняются огненной луне, вот в чём была ошибка великана.

Звонкие ручьи бежали между холмами прямо с дальних гор, чтобы наполнить сонные лесные озёра своим журчанием и свежими новостями долины. Перепрыгивая через ручьи и огибая валуны, елень скакал в сторону леса. Охотники и егери еле поспевали за своим владыкой. Наран, пригнувшись, крепко держался за два коротких отростка на голове еленя. «Что-то с ним сегодня не так», – мелькнуло в его голове и сразу улетучилось, потому что вперёд с лаем вырвались псы-призраки. Самые свирепые гончие почуяли запах лесной дичи и жаждали крови. Когда охотничья свора скрылась в лесу, чтобы выследить дичь, Наран приказал своему еленю остановиться. Аун дёрнул головой и нехотя затормозил, присев на задние ноги, затем встал, как вкопанный, опустив голову в землю.

Когда подъехали егери, они вместе вступили в лес. Воздух стал гуще, деревья звенящими колоннами обступили охотников, в кустах шуршали мелкие зверьки, птицы то замолкали, то перекрикивались друг с другом, предупреждая о чужаках. Неожиданно раздался лай собак. Егерь свистнул, и через несколько мгновений из кустов вынырнул пёс, чтобы вести охотников в преследование. Догнав собак, они, без лишних разговоров разделились на три группы – две поскакали в разные стороны, чтобы загонять, а другие должны были встретить дичь. Наран и двое егерей направили еленей в сторону опушки.

Там Владыка достал свой лук, приготовил стрелу и стал ждать. Елень под ним явно нервничал, и Наран пытался его успокоить, поглаживая по боку. Аун вздрагивал и фыркал. Когда собачий лай усилился, и стали слышны крики загонщиков, Владыка привстал на стременах и приготовился. Совершенно неуместно в этот момент в его сознании всплыла картина из зала наслаждений: открылись двери и перед ним предстала очередная девушка вся укутанная в прозрачное покрывало. Девушка пела звонким птичьим голосом.

– Врай дека тать! – яростный крик егеря, выругавшегося на своём диком языке, вернул Владыку на охоту.

Впереди возник силуэт с длинной шеей и изогнутыми рогами. Одну за другой, Наран выпустил три стрелы. Длинным и высоким прыжком лесная лань пересекла поляну и скрылась в лесу. Началось преследование.

Ветки хлестали по щекам и без того красными от позора – Наран не любил уступать охотникам в меткости, особенно, когда ему выпадало право первого выстрела. Неожиданно лес стал редеть и они оказались в пойме широкого ручья. За ручьём на холме была роща – туда-то и устремилась лань.

– Хэмли, Борна, отзовите собак! – крикнул Наран, когда его елень уже по колено был в воде.

Раздался свист, и собаки, повинаясь команде, стали возвращаться от подножия холма. Один из егерей догнал его и, прерывисто дыша от скачки, обратился:

– Почему? Владыка? Мы ещё! Могли...

– И мне обидно, Хэмли, но это священная роща, мы не можем там охотиться.

Молодой Борна с коротко стриженными волосами и мальчишеским лицом, который всегда хотел казаться постарше, удивился:

– Нельзя охотиться даже Владыке Лунадана?

Старый егерь, которого брали на охоту в качестве следопыта, спешился и стал неторопливо очищать спину и бока еленя от листьев, семян и пыльцы, прилипших к его взмокшим бокам:

– Во времена Тайной войны, лесные лунаданы прятали своих детей в этой роще. И случись так, что охотники или вербовщики (сейчас уже неважно) нагрянули в этот лесок. Никто не хотел никому зла, говорят. Кто ж детей трогать будет? Но малыши так перепугались, что слились с деревьями от страха и наивности. Обнял каждый своё дерево и исчезли навсегда, растворились в роще. С тех пор нам туда вход заказан. Прежний Владыка дал клятву лесному народу. А то неизвестно, в какое проклятие это могло превратиться.

Любимый елень Нарана склонился к ручью, но пить не стал, и Владыке показалось, что тот глядит на своё отражение. Молодой Борна, видимо, под впечатлением от услышанного, выхватил серебряный рог и отчаянно затрубил на всю речную долину.

– Собаки снова вышли на чей-то след! Ваше Владычество! Продолжим? – и охотники устремились обратно в лес.

В пылу погони так случилось, что группы распались, и Наран стал преследовать дичь в одиночестве, ориентируясь на лай собак и крики загонщиков.

«Надо бы нагнать Борну, моё копыё у него... Хотя бы кабан... Точно кабан!», – успел подумать Наран, прежде чем стало происходить невероятное – елень стал прыгать из стороны в сторону, затем пошёл боком, затем встал на дыбы... Не сразу Владыка понял, что Аун пытается избавиться от него.

– Стой! Аун, стой, тебе говорят!

Но елень не слушался. Боясь за свою жизнь, Наран схватил еленя за молодой отросток рога, что делается в крайних случаях, потому что это довольно болезненно для животного. Аун дёрнулся, вскрикнул и понёсся сквозь перелесок, не разбирая дороги.

Нарану оставалось только крепко держаться, чтобы не выпасть из седла. Охота осталась где-то позади, впереди лес становился только гуще и мрачнее.

– Стоять, Аун! Онга, онга! – он пытался говорить с ним, и на своём языке, и на диком языке егеров, объезжавших скакунов.

Прямо в разгар этой бешеной сумасшедшей скачки сквозь дикий орешник, бересклёт и волчегородник, Наран снова услышал в собственной душе мелодию песни – нежную и хрупкую, готовую исчезнуть без следа и не повториться никогда, если её не замечать и жить, как ни в чём не бывало. В этот же момент лес опрокинулся, и Владыка оказался на земле.

Аун сразу остановился. Елень склонился над лежащим навзничь Нараном, обдав его своим горячим дыханием. Их глаза встретились.

– Аун...

– Я не Аун, и ты Владыка не властен уже надо мной, – ответил ему елень, – Лучше отпусти меня.

– Кто ты? – Наран сел, упёршись спиной в дерево, словно оно могло дать опору его сознанию, отказывавшемуся верить в происходящее.

– Я тот, кто недавно ещё служил при твоём дворе. Ребёнком меня забрали из леса и определили в егери. Я объезжал Ауна, когда он был совсем молодым, я чистил его и лечил от моховой хвори. И теперь я возвращаюсь к своим, хочешь ты или нет.

– Как так вышло, что ты оказался внутри моего Ауна? Слияние?

– Ты ж только что слышал историю про Детей Рощи. На днях я вспомнил, кто я такой, и решил, что лучше быть свободным еленем, чем служить вашему Владычеству и жить среди чужих.

– Вспомнил? Но как? – Наран всё ещё отказывался верить в происходящее.

– Луна призвала. Она сильнее любого вербовщика.

– Скажешь, как тебя зовут? – Наран встал с земли, чтобы расседлать еленя и отпустить на свободу слугу, имени которого он даже не знал.

– Лаг.

– Прощай Лаг.

– Скажи и помни Владыка, скажи и помни!

Эти слова донеслись уже из чащи, в которой он скрылся.

В наступившей тишине Наран стоял и прислушивался – зазвучит ли снова мелодия внутри? Но шум собственных мыслей полностью захватил его сознание. «Выходит, завербованные дикари могут вспомнить себя. Такого ещё не было. Не каждый решится на слияние, ведь обратного пути нет. А если они, вспомнив себя, скрывают это и всё равно остаются жить среди нас в Лунадане? Когда Валем узнает, начнёт пытаться всех подряд, посчитав это небезопасным. А ведь Лаг мог отомстить, но не стал...» – так думал Наран, пока брёл в сторону, как ему казалось, где деревья кончались.

«Река, – подумал Наран, – там должна быть река». В этот момент за спиной раздался тусклый хрип. Нарану не нужно было оборачиваться, чтобы понять, что дело плохо. Кабан. Огромный чёрный кабан с копьём в загривке, выскочил из кустов, роняя кровавую пену с огромных жёлтых клыков. Крошечные глаза дымились яростью. Белые смертельные иглы торчали из горбатой спины, готовые в любой момент поразить свою жертву. В этот миг Наран думал не смерти, которая глядела на него из глаз кабана. Ему страшно хотелось, чтобы эта мимолётная хрупкая мелодия, которая посетила его в момент скачки, осталось в целости, осталось с ним, как начало песни, которую он во что бы то ни стало должен дослушать до конца. Наран резко повернулся, и вепрь атаковал.

Последнее, что помнил владыка, было таким же странным, как и все события этого дня – внезапный порыв ветра, сильный гул и треск деревьев. Зелёная Луна в высоком небе. Темнота.

VI. Жизнедерево*

Лампико, не дыша, раздвинула кусты высокой осоки и увидела его – сверкающего на солнце, поющего посреди лесной тишины. Её ручей. Теперь они будут навсегда связаны вместе, когда старейшина проведёт обряд и его нарекут именем, которое она сама выберет. Она станет хранительницей самого дальнего ручья в их пределе.

Девочка погрузила тёплую ладонь в его прозрачную воду и увидела внутренним взором весь его путь – от маленькой пещеры Хрустальных гор до озера Забвения в Блаженном лесу. Его путь был игрив и извилист, он кружил и огибал холмы, бурлил на перекатах. У него имелся водопад, две отмели, которые облюбовали красные утки, но самое главное, на её ручье росло Жизнедерево! Не каждой озёрнице такое посчастливится.

Лампико подняла глаза и увидела луговую мышь, которая тихонечко себе пила воду из ручья. Сквозь прозрачную воду были видны водоросли и золотистый песок. «Скоро будет дождь, – подумала девочка. Ясное высокое небо с Зелёной луной, опускавшейся к горизонту, не предвещало пока что дождя. Но для озёрницы было достаточно знаков – вода в ручье была теплее, насекомые летали ниже, ну и луговая мышь, попив воды, не стала по обыкновению умываться, а шмыгнула в траву. Ручьи перед дождём немного затихают, глядя в небо, словно предвкушая эту долгожданную встречу.

Озёрница окинула хозяйским взглядом берега. Пусть здесь нет пока рыбок, зато есть дневные золотые жабки, речные ужи и целые армии речных водомеров. Высокий берег зарос розовым медовником, и неторопливые пчёлы летают туда-сюда, перенося через ручей свой ценный груз.

Девочка пошуршала и вытащила из осоки крохотную невесомую лодочку из прочной коры Сихвэ. На ней она сможет доплыть до озера, чтобы помочь сёстрам переселять мальков. Лампико собралась столкнуть лодку в ручей, когда увидела тёмно-красные капли, плывшие вниз по течению.

Зайдя в воду, она стала подниматься вверх по ручью, тревожно вглядываясь в его берега. Девочка была уверена, что встретит раненное крупное животное – еленя, медведя или лесного козла. Но то, что она увидела, заставило её погрузиться по глаза в воду от страха. Поперёк ручья лежал огромный лунадан с кровавым боком. Кровь стекала из раны и, не смешиваясь с водой, утекала вниз по течению.

Озёрница пыталась унять дрожь, рассматривая чуждого для этих земель лунадана. Он был весь покрыт одеждой, на которой было много металла и камней. Узоры одежды пугали её своей необычностью. Она никогда не видела ничего подобного. Глаза незнакомца были закрыты. Возможно, он был без сознания, а может, притворялся.

Лампико попросила ручей проверить свои догадки. Ручей плеснул в лицо лунадану. Тот никак не отреагировал. Бледный, с тёмными длинными волосами он лежал, обративши свое прекрасное лицо к Зелёной луне, пока его жизнь вместе с кровью стекала в её ручей. Ещё сегодня утром Лампико долго не могла решиться, какое украшение надеть, но сейчас у ней не было сомнений что и как делать, словно она каждый день встречала умирающих красивых великанов.

С помощью ручья она перенесла тело в свою крохотную лодочку. Ноги лунадана остались в воде, такой он был огромный. Умело управляясь с течением, девочка толкала перед собой лодочку с великаном вверх – туда, где через девять поворотов росло Жизнедерево. Ей было страшно и нелегко, но ручей помогал, как мог, и вскоре она освоилась с обстоятельствами, которые выпали ей на долю в этот самый обычный день её жизни. И вот, за очередным изгибом ручья показалась старая раскидистая ива.

Морщинистые и узловатые корни образовывали невысокий грот прямо под деревом – туда-то и устремилась Лампико со своей нелёгкой ношей. Под сводами корней было тихо и прохладно. Отблески света, проникающего через корни, плясали на тёмной воде. В глубине мерцали водяные светлячки. Даже звуки от всплесков воды казались тут исцеляющими – так ласково и успокаивающе они отзывались в душе. Неожиданно незнакомец застонал, но так и не пришёл в сознание. Это сподвигло Лампико осмелиться и заговорить:

– Любимая матушка, целительница живородительница, помоги. Возьми его смерть, отдай свою жизнь, немножечко, чтобы он выжил.

Под неслышимые указания старой ивы озёрница сняла с пальцев Нарана перстни с защитными кристаллами, и они исчезли в тёмной воде. Затем она сняла с него одежду и вместе со своей лодочкой покинула священный грот, оставив владыку в мерцающей тёмной воде. Когда она вышла из-под корней Жизнедерева, начался дождь.

VII. Песня Ойки*

– Мальчик, проснись...

Наран очнулся от голоса своей бабушки.

– Абра? Бабушка, это ты?

В темноте он смутно уловил лёгкое движение, раздался плеск воды. Владыка понял, что он абсолютно голый находится где-то под землёй и в воде. Впереди брезжил свет, на который он двинулся, ощущая необыкновенную лёгкость в теле. Ему казалось, что он слышит землю, слышит воду и слышит, как кровь бежит по его венам, а сердце толкает её вперёд и вперёд. Кругом как старческие руки росли и тянулись корни, на которых мерцали маленькие таинственные огоньки.

Когда он вышел из-под корней, ива шевельнула длинными ветвями. Или это был порыв ветра? Голый он стоял по пояс в говорливой воде лесного ручья, не смея оторвать глаз от Жизнедерева. Затем, повинувшись какому-то нахлынувшему чувству, Наран притянул ветку, касавшуюся воды, и с благодарностью поцеловал её длинные узкие листья.

На берегу он нашёл свою одежду со следами крови. Владыка посмотрел на своё тело и обратил внимание, что кожа на боку новая и гладкая, как у младенца. К нему вернулись ощущения прежде растворённые во всём живом, что окружало его. И вернулась память. Чувства безмятежного счастья покинуло его, сменившись тревогой.

Где он находится? Как найти дорогу домой? Ищут ли его, да и как найдут, если перстни с камнями куда-то исчезли? Крупный заяц выскочил ему под ноги, сделал сальто в воздухе, меняя направление, и скрылся в высокой траве. Показалось ли Нарану или он, действительно, не только видел это, но и слышал: панику зайца: как замерло его сердце, как страх свёл его мягкий живот, как мышцы сжались и растянулись, как пружина?

Владыка решил обдумать, что ему делать дальше, сидя у подножия дуба, что рос неподалеку.

«Я тут!» – крикнула какая-то птица над его головой.

«А я – тут,» – ответил ей Наран.

«Интересно, сколько я тут пробыл?»

Строить догадки можно было по тому, что Зелёная луна почти ушла за горизонт. Это означало, что прошло не менее двух дней с тех пор, как он отправился на охоту.

«Я тут!» – снова послышалось из ветвей, и в ответ раздалась счастливая переливчатая трель из глубины леса.

«Кто ты? И как оказался в моём лесу?» – спросили у Нарана.

По коже пошли мурашки. Владыка понял, что кто-то проник в его, ничем не защищённое сознание.

«Ты боишься?», – тут же спросил мягкий спокойный голос.

«Умоляю, не перемещайся в меня», – мысленно попросил Наран.

«Зачем? Мне и тут хорошо».

«Где ты?» – владыка пытался разглядеть кого-нибудь, кто разговаривает с ним, спрятавшись за деревом или в кустах.

В ответ он услышал знакомое уже ему пение, прекраснее которого не было в целом мире. Он встал и пошёл, повинувшись дивной мелодии, щековавшей его воспоминанием о мимолётном женском видении во время неудачной охоты. Ладони его покалывало от предчувствия долгожданной встречи с кем-то, кого он не знал, но так сильно желал узнать.

«Меня зовут Наран, сын Мера, я иду к тебе» – подумал он и решительно двинулся в навстречу неизвестному.

Чем дальше Владыка шёл, тем ниже становились деревья, а цветы, наоборот, становились выше, соцветия пышнее. Всё вокруг цвело и благоухало. И совсем скоро живые цветы ростом с Нарана обступили его со всех сторон. Они склоняли свои головы ему навстречу, стремясь коснуться своими лепестками, обратить на себя внимание. Гигантские бутоны открывались, словно окна, и из них с любопытством выглядывали нежные существа – почти невидимые, потому что сами они были частью цветов.

«Я тут!» – снова услышал Наран, оглянулся на голос и увидел её.

Девушка из детских снов смотрела на него огромными глазами цвета самой восхитительной Луны. Зелёные косы вились вокруг её тонкой шеи, спускались по плечам, оплетали её стан.

«Наран, сын Мера... самый смелый лунадан, решившийся гулять в Запределье. Ты охотник?»

Наран кивнул головой, слова и мысли покинули его.

«На кого же ты охотился?», спросила девушка и тут же засмеялась, потому что поняла – он не в силах говорить.

Тогда она протянула руки, и Наран, пошёл навстречу, чтобы взять её руки в свои для слияния душ. Оказавшись в его руках, руки девушки стали будто бы холодеть и грубеть. Они стояли, держась за руки, глядя друг другу в глаза и превращались в стариков. Затем старики помолодели, стали юными, а затем детьми.

Слияние душ, особенно, когда они родственные и близкие друг другу, способно менять облик – такие сильные ощущения испытывают, находящиеся в нём. В слиянии они узнали всё друг о друге – тоску, радость, желание и боль, надежды и печали.

– Ты одинок, это хорошо.

– Почему?

– Одиноким принадлежит целый мир.

– Я не хочу целый мир без тебя.

– Правда?

– Ты меня позвала.

– Ты меня слышал.

Наран поднял девушку и поцеловал.

– Я видела в слиянии, что ты живёшь во дворце. Что скажет твой Владыка?

– Владыка не узнает.

– Ты чувствуешь такую же любовь, как и я?

– А какая она, твоя любовь?

– Меня зовут Ойка и я люблю тебя.

Девушка обвила его своими косами, отгородив от всего мира, и тоже поцеловала. Сердце Нарана на мгновение замерло, он зажмурился, когда прохладная нитка бус скользнула ему под рубаху. А когда он открыл глаза, девушки рядом не было. И цветы росли вокруг самые обыкновенные. Время Зелёной луны закончилось, пришла пора Янтарной Луны.

VIII. Раз, два, поворот!*

Когда-то Лейла, а теперь Завитушка с трудом дождалась, когда дресса войдёт в столовую и отправит детей в мастерские, где они проводили большую часть дня. Вчера ей показали рисунки луна-светильников и бокалов к особому случаю, и ей не терпелось приступить к работе, которая ей так нравилась. Рядом елозил маленький мальчик с растрёпанными волосами, которые они с девочками всё время пытались пригладить, но они всё равно топорщились во все стороны, как у дикого волчонка.

– Травлик, ты опять весь измазался в каше! Давай я тебя умою.

Травлик улыбнулся ей и стал облизывать пальцы. Он почти не говорил, но всё понимал. У рукомойника у них произошла маленькая стычка, потому что Травлик не мог стоять на месте, но Завитушка справилась так ловко, что даже малыш удивился. Когда девочка вытирала вытирала полотенцем его лицо, в столовую стремительно вошла Конта Справедливая, Прекрасная, Великодушная, Благоразумная, Полезная, Мудрая – ну и так далее, у каждого ребёнка был свой комплимент, которым она себя награждала при их первом знакомстве.

– Скажите и помните, дети – сегодня вы постараетесь на славу Его Владычества!

– Сегодня мы постараемся на славу Его Владычества! – хором ответили дети.

– Скоро во дворце праздник Янтарной Луны и мы должны сделать всё, что от нас требуется. Это огромная честь, дети, улыбайтесь!

Дети заулыбались, а кто-то захлопал в ладоши. Дресса строго посмотрела в сторону аплодирующих, и воцарилась тишина. В тишине она снова торжественно улыбнулась:

– Отправляйтесь работать, я очень надеюсь на вас!

В мастерской кроме Завитушки работали ещё двое: взрослый серьёзный парень Фар и весёлый круглолицый Себрик.

– Будем плавить, отпекать, Завитушку подгонять! – радостно прокричал Себрик, ударяя в медный поднос огромной вилкой для мяса.

– Ой, Себрик, ты такой шумный, давай потише! – Завитушка прошмыгнула в свой угол мастерской, где её ждали два ящика отборного речного песка, горного песка и горный хрусталь.

На массивном столе лежали эскизы от Распорядителя пиров, на которых были нарисованы шары-светильники для украшения зала, а также бокалы и кубки для праздничного стола. Девочка разогрела ладони, закрыла глаза и поднесла руку к ящику с песком.

Вначале произошло слияние: Завитушка ощутила, насколько он рассыпчатый, мелкий, но при этом твёрдый и блестящий. Песок и, правда, был отменный – чистый однородный, таящий в себе силу камня, но при этом податливый и послушный. Она представила себе большой идеально круглый шар, который должен расти изнутри, скручиваясь и обволакивая сам себя, как бутон, в центре, которого будет помещён ярко светящийся аметист.

Пока она себе это представляла, песок из ящика притянулся к её руке, быстро нагреваясь и, становясь прозрачным. Стекланная масса кружилась, образуя сферу в виде стекланного бутона – точь-в-точь, как представляла себя в это время Завитушка. Девочка открыла глаза и удовлетворённо кивнула, даже не кивнула, а поприветствовала своё новое творение. Переведя дух, она отправила шар-светильник остывать на специальном столе.

– И это всё, Завитушка? Как же так? – за спиной раздался голос Конты Справедливой.

– Готова служить, – девочка присела в неловком реверансе.

– Ты думаешь светильник для праздника Янтарной луны должен быть тусклым и бесцветным, как моя жизнь? Он должен быть медовым, золотистым – янтарным как самая красивая Луна!

– Хорошо, Конта Справедливая.

– Исправь немедленно! – и дресса, звякнув серёжками исчезла.

Завитушка присела у стола, сложив руки на своём новеньком белом переднике и, вдохнув, посмотрела на свой первый шар, который вышел комом.

Фар никак не отреагировал на происходящее, он находился в слиянии с золотой глиной, был очень сосредоточен и даже бровью не повёл.

Зато Себрик сразу же оказался рядом и, не говоря ни слова, что-то обдумывал целых две секунды.

– Ты, это... на рисунках цвет не обозначен! Это... давай помогу, я кажется, знаю! Нагрей пока шар, я мигом!

От отсутствия прочих идей Завитушка последовала его указанию. Когда она раскалила стеклянный шар, Себрик поднёс руку и бросил на его поверхность щепотку серого порошка. По поверхности стал расплзаться яркое жёлтое пятно.

– Крути давай! – шепнул Себрик.

– Отстань, сама знаю! – так же страстно шепнула в ответ Завитушка, и на глазах у них, крутящийся шар начал становиться медово-янтарным, прозрачным, восхитительным как Янтарная луна.

– Дунь на него, – за спиной раздался голос Фара.

Завитушке некогда было изумляться и спрашивать, она дунула на шар, и он заблестел, искрясь и переливаясь.

– Ух ты... Тум-Тум! – Себрик всегда так вскрикивал, когда у него всё получалось.

– Спасибо, Фар! – Завитушка обернулась, но Фар, сделал вид, что занят и ему некогда.

– Теперь пойдёт дело, Завитушечка! – Себрик был так счастлив, словно сам сотворил чудо.

Юная дочь стекловаров покраснела от смущения, ведь её никто ещё не называл «Завитушечкой», даже девочки, с которыми она делила спальню, наверное, потому что она всегда была строгой и ответственной.

– Спасибо, Себрик, давай я дальше сама!

– Я тебе принёс много металлического порошка, хватит на все стекляшки.

Себрик стал пунцово-красным и быстро убежал в свой угол, когда Завитушка неожиданно и быстро обняла его.

Вправо, влево, вверх и вниз! Шаг-шаг-по-во-рот! Да что же это с вами такое! – в зале шла репетиция Янтарного бала и Лирис уже охрип, пытаясь заставить двор двигаться синхронно.

– Кто будет слушать музыку? Шаг-шаг-поворот! Мадуща, вы слишком частите! Зольд, вам надо взбодриться и помолодеть!

Сверху, невидимая никем, за репетицией наблюдала Валем. Она мысленно призвала Лириса к себе.

– У нас всё по плану, дорогой мой Лирис?

– Всё по плану, моя госпожа, готов служить!

– Я могу чем-нибудь помочь?

– Что вы! Разве можно...

– А я могу. Смотрите, Лирис, как я могу...

Валем выдвинулась с галереи и громким низким голосом произнесла на весь зал:

– Скажите и помните все! Что сказать, Лирис?

– Вправо, влево вверх и вниз! Шаг-шаг, поворот! – Лирис утёр со лба выступивший пот.

– Вправо, влево, вверх и вверх! Шаг-шаг, поворот!

Вся толпа придворных, глядя снизу вверх на Главную мать, хором произнесла:

– Вправо, влево, вверх и вверх! Шаг-шаг, поворот!

Лирис заёрзал за спиной у Валем:

– Моя госпожа, вы напутали: «вверх и вниз», а не «вверх и вверх»!

Валем вскинула тонкую бровь и обернулась:

– Правда?

Лирис прикрыл свой непочтительный рот белым кружевным платочком и склонился в поклоне.

– Простите великодушно, легкомысленную свою госпожу, дорогой Лирис! Я это сделала случайно, ненарочно.

Эlegantным движением руки она подхватила лиловый шлейф своего шёлкового платья и стремительным шагом направилась в покои своего сына, унося усмешку на своих тонких губах: «Конечно, нарочно».

Растерянный Лирис какое-то время смотрел ей вслед, а потом снова вернулся в процесс репетиции. Когда он глянул вниз, то остался довольным – придворные двигались чётко и безошибочно, даже старик Зольд помолодел, подпрыгивая в такт общему движению. И пускай, движение вверх-вверх не входило в его схему танца и выглядело более экстравагантно, чем он планировал, а кое-кто сказал бы, что слегка комично, но праздник предполагает веселье, не так ли? «Кто умеет, тот владеет», – пробормотал про себя Лирис, и снова бросился в самую гущу подготовки праздника.

Десятилетний мальчик, сжав кулаки, стоял над телом маленькой канарейки, лежащей на мраморном полу. Когда к нему бесшумно подошла Валем, он разжал кулаки и посмотрел на свои руки. Валем положила руки ему на плечи, прислушалась и сказала:

– Она хотела улететь?

– Я держал её крепко, – ответил мальчик, тряхнув чёлкой тёмных, как смоль волос.

– Слишком крепко, – улыбнулась Валем и заглянула ему в глаза.

– У тебя глаза Его Владычества. Зелёные.

Мальчик закрыл глаза, а когда открыл, они были тёмно-вишнёвого цвета.

– Его Владычество вернулся с охоты?

– Ты представляешь, ещё не вернулся! Егери ищут его, тайная стража ищет его, ах, есть ли кто во дворце, кто не ищет его!

– С ним что-то случилось?

– Кто знает... в последнее время он любит импровизировать. Но он обязательно вернётся к своему любимому наследнику.

Валем поцеловала его в голову и соединила пальцы рук у лица, задумавшись.

– Андияк, ты любишь меня?

– А ты?

– Конечно люблю.

– Сильнее, чем любит меня Джок?

– Джок? Кто это?

– Это мой пёс. Пёс Джок.

– Ну руки я тебе лизать не буду, – улыбнулась Валем.

– Джок готов умереть за меня.

– Да? Откуда ты знаешь?

– Вчера я зашёл в клетку с медведем и взял его с собой. Медведь разорвал его на части.

– Дитя моё... это наверно, неприятно было.

Андияк впервые за время разговора улыбнулся:

– Он сделал это ради меня!

– Все будут готовы умереть за тебя, когда ты станешь Владыкой Лунадана, – Валем снова поцеловала сына и, взяв его за руку, повела в тронный зал.

Лирис отпустил придворных, но расставил музыкантов так, чтобы в любой части дворца была слышна главная тема Янтарной Луны. Таким образом, где бы они ни были, чем бы они

не занимались, они вынуждены были всё время пританцовывать, повинуюсь установке Валем, которую она им дала утром с галереи дворцового зала.

Валем с сыном в сопровождении слуг шли через дворцовые анфилады. Пара придворных дам, приветствовали их поклоном, а затем исполнили танцевальные па и два раза подпрыгнули вверх, смущённо улыбаясь. Дворяне из окружения владыки, что-то горячо обсуждали в охотничьем зале и при этом шагали влево-вправо, слишком энергично вскидывая руки. В углу арфистка задавала им ритм.

– Что с ними со всеми? – спросил Андияк.

– Я думаю, все они находятся в предвкушении праздничного бала, – с усмешкой ответила Валем.

Когда слуги открыли очередные двери, навстречу им ковылял придворный лекарь, всё так же вскидывая руки и вышагивая в танце и нелепо подпрыгивая.

– Госпожа моя! – взмолился он, к моему великому прискорбию, я больше не могу танцевать, хоть сердце моё и ликует, готовясь ко встрече Янтарной Луны, – сказал он, задыхаясь.

– Полно, Ювекс, ты прекрасно справляешься! Ты же сам советовал Его Владычеству больше двигаться, почаще выезжать на охоту.

– Всё хорошо в меру, моя Госпожа, служу вашему Владычеству. Уже время обеда. А как я буду обедать и танцевать?

– Старательно, хорошо прожевывая и плавно пританцовывая.

Во время этого диалога Андияк, спрятался за мать, чтобы Ювех не видел, как его душит смех.

– А естественные потребности? – взмолился Ювех, – как быть с ними?

– О, об этом я не подумала, – в первый раз за весь разговор улыбнулась Валем, – Хорошо. Скажи и помни, Ювех, ты закончил репетицию и можешь отдохнуть.

– Я закончил репетицию и могу отдохнуть! – с облегчением произнёс лекарь и в изнеможении повалился на пол.

Валем, подобрав шёлковый шлейф аккуратно перешагнула через лекаря и двинулась дальше, увлекая за собой мальчика. Внезапно она остановилась и прислушалась. Со двора доносились возбуждённые мужские голоса. Валем вышла на внешнюю галерею и увидела как стражники и егери окружили Нарана, сидящего на елене, которого который только что, видимо, въехал в ворота дворцового города. Два егеря следовали за ним.

– Его Владычество нашёлся. Спустя три дня. Что ты видишь, Андияк?

– Он в разорванной рубахе, на ней грязь...

– Это не грязь, милый, так выглядят пятна засохшей крови. Его ранили несколько дней назад. Смотри ещё.

Андияк перегнулся через перила, всматриваясь в собственного отца.

– Его лицо...

– Счастливое? Это детали. Есть кое-что, действительно важное.

Глаза Андияка стали большими, рот приоткрылся. Он отвернулся от двора, повернулся к матери и прошептал:

– На нём нет его камней!

Валем взяла его голову в руки и со значением посмотрела ему в глаза:

– Именно.

Хранитель Сокровищ бежал по каменным коридорам дворца, вне себя от счастья от того, что Владыка вернулся и что снял с него танцевальное заклятие Валем. Вскоре после поворота показалась каменная дверь Сокровищницы Лунадана. Хранитель достал из-за пазухи камень Веры, висящий на замшевом шнурке и приложил его к отверстию в двери. Камень сверкнул и засовы отворились. Хранитель упёрся обеими руками в дверь, и она нехотя поддалась.

Внутри сокровищницы было тихо и торжественно от блеска драгоценных камней. Не смотря на полумрак многие из них светились собственным светом, дарованным одной из семи Лун. Хранитель открыл хрустальный ларец, убедился, что всё на месте и вместе с ларцом отправился в обратный путь, предварительно запечатав дверь камнем Веры.

Вернувшись из запредельного леса в свои покои, Владыка принимал ванну. Тёплая вода приняла его тело, измученное невзгодами и приключениями последних дней. Многочисленные ссадины и ушибы ныли, но нет так сильно, как его сердце, пронзённое любовью.

После того, как пленившая его лесная нимфа так неожиданно исчезла, Наран долго бродил по лесу в попытках её отыскать. Не нашёл. Зато нашёл ручей, по которому вышел в знакомую долину, где его подобрал отряд всадников, высланных на поиски. Верные стражи не заметили отсутствие камней, так рады были они узнать, что Владыка жив и невредим.

– Ваше Владычество, к вам наследник Андияк, чопорно сообщил слуга дворцовых покоев.

– Пусть войдёт, – махнул Наран и нырнул поглубже в ванну, чтобы мальчик не видел синяков и ссадин.

Естественно, вместе с Андияком зашла и Валем.

– Ваше Владычество, мы волновались за вас, – медовым голосом пропела Валем.

– Всё в порядке, я живой! – ответил Наран и ещё больше погрузился в мутно-молочную воду так, что торчала одна его голова.

– Ваше Владычество, что это?! – Валем подошла вплотную к ванной и вытащила из его головы репейник, – *Скажи и...*, – на этих словах Наран протянул руку, до того, находившуюся под водой, чтобы взять репейник. Все перстни были на месте.

– Скажи и пусть мужская гордость не мешает тебе быть искренним. Как ты смог выжить один в лесах Запределья? Среди всех этих враждебных нашему роду дремучих существ?

– Я никого не встретил. Только кабана. Мы с ним подрались немного, и он оставил меня в покое.

– Но твой елень, твой Аун... он не вернулся, – впервые заговорил Андияк.

– Он, пал, защищая меня от кабана. А как вы тут поживали в это время?

Андияк дёрнул мать за руку, чтобы обменяться с ней взглядами, но она никак не отреагировала, продолжая пытаться Нарана дальше.

– Дворцовый город готовится к Янтарному балу. А как так вышло, что ты остался один?

– Янтарный бал! Точно! То-то я смотрю, что все оттанцовывают беспрестанно. Пришлось даже переместить парочку придворных, чтобы они не умерли от усердия. Так, глядишь и на бал не попадёшь, если умрёшь от репетиций...

Валем поджала губы. Нарану что с гуся вода – три дня не ел, скитался где-то, но хоть бы что – всё так же насмешлив и не поддаётся на её маленькие уловки.

– Ладно, отдыхайте Ваше Владычество, не будем вам мешать своими расспросами.

Валем резко повернулась и быстрым шагом вышла из покоев Нарана, чуть не сбив с ног слугу, стоявшего у дверей. Андияк на секунду задержался, казалось, он хотел что-то сказать своему отцу, но увидел репейник на краю ванны, поморщился и последовал за матерью.

«Благодарю свою Луну за то, что выиграл войну», – подумал Наран фразой из известной песни.

Он вновь вспомнил о том, что пережил за последние дни. Если бы кто рассказал ему, что такое может случиться – он бы не поверил. Он и сам какое-то время думал, что лесная нимфа – это был сладкий сон, который послала ему Зелёная Луна, пока не нашёл нитку бус, выпавшую из его одежды. Это простое украшение сейчас казалось ему ценнее любого сокровища его владений.

Он вспоминал зелёные косы, на своих плечах и бусинки, мерцавшие в её волосах, как ягоды в лесной траве. Это воспоминание, в свою очередь, отворяло двери следующим за ним

ощущениям – он снова растворялся в тёплом аромате её нежной кожи – травяном, терпком, сладком. Наран заново пережил слияние их душ, когда смог увидеть мир глазами этой девушки. В этом мире каждый листочек, каждое дерево или цветок дышали и делились друг с другом любовью. Встретятся ли они вновь? Вalem, с её проницательностью, уже что-то подзревает. Надо защитить это чувство во что бы то ни стало. Он готов.

IX. Травлик*

– Совсем неплохо, – тихо сказала Конта, глядя на результат работы, пока Завитушка завершала свой последний шар со светящимся кристаллом внутри.

Себрик давно сделал свою работу, но не мог сидеть спокойно – играл с кусочком серебра, придавая ему разные формы, при этом не отрывая глаз от Завитушки. В двери мастерской кто-то постучался. Дресса открыла.

– Распорядитель Пиров! – провозгласил слуга и отошел в сторону, пропуская Лириса вперед.

Показался слегка взвинченный и немного охрипший Лирис в бордовом пурпуэне. На голове у него красовался расшитый золотом берет. Он влетел в мастерскую и замер с поднятыми руками, уставившись на первое, что попало ему на глаза.

– Это что же? Невозможно! – Лирис закрыл руками рот, затем обнял своё лицо, затем, схватился за голову и медленно стащил свой бордовый берет.

– Но как? – этот вопрос был адресован Конте Огорошенной.

– Вам не нравится? – решила уточнить дресса.

Распорядитель пиров проигнорировал её вопрос.

– Я хочу увидеть их в зале пиров! Немедленно несите их туда!

– Но... господин Лирис, эти дети никогда не были во дворце...

– А мне что с того? Я хочу видеть эти украшения немедленно! Стой, мальчик, что это у тебя? – Лирис обратил внимание на предмет в руках Себрика. Это была маленькая серебряная роза, которую тот машинально смастерил, пока наблюдал за работой Завитушки.

– Это... ничего... просто так, заколка, наверное.

– Это не заколка, – заулыбался Лирис, – это – подношение гостям нашего пира! Мне нужно сто таких и одну красного золота для Его Владычества!

Лирис развернулся на пятках, собираясь уходить. Повернулся снова, чтобы повторить:

– Это всё – немедленно в Зал! – на этих словах он вылетел из мастерской обратно во дворец.

По каменным подземным коридорам из нижнего города в верхний двигалась процессия из светящихся янтарных лун. Дети несли стеклянные светильники в дворцовый город, чтобы украсить ими главный зал для пиров. Тёмные коридоры наполнились волшебным светом, озаряющим детские счастливые глаза и улыбки.

Травлик шёл в середине процессии, ему нравилось чувствовать себя частью чего-то большого и сверкающего, праздничного и важного. Когда низкие своды подземелья закончились, они оказались в просторных коридорах дворца. Впереди шла дресса, то и дело оглядываясь и проверяя, все ли на месте. Замыкал шествие стражник, который следил, чтобы никто не отставал.

Пока они шли по дворцовым коридорам, дети вели себя по-разному. Кто постарше – успевали разглядывать убранство и людей из помещений, которые они проходили. а малыши шли, держа шары в руках перед собой, не смея оторвать глаз от святающегося волшебства.

Они проходили мимо складов с продуктами, прачечной, швейной и мимо кухни, которая была самой большой и многолюдной. В некоторых помещениях, заведя светящуюся процессию, бросали свои дела и выбегали посмотреть на детей. Дети думали, что взрослые так реагируют на прекрасные стеклянные шары, а на самом деле... На самом деле взрослые умилялись при виде детей, которых во дворцовом городе редко, когда увидишь.

Травлик, как и все малыши, не замечал внимания взрослых, потому что смотрел на свой шар. Единственный раз это случилось, когда кто-то поспешно положил ему что-то в карман. Он

увидел полную краснощёкую женщину в белом чепце, утиравшую огромной рукой, маленькую слезинку и улыбавшуюся ему вслед.

Когда процессия вступила в зал, многие из детей потерялись в пространстве и чуть было не выронили шары. Они вступили в простор и великолепие. Конта выстроила их в ряд, а Завитушка брала шары и отправляла их на изящные подвески вдоль огромного стола. У Травлика и детей было время хорошенько оглядеться вокруг. Но пока они рассматривали торжественный зал, росписи на стенах, трон его владычества, сверкающий драгоценными камнями, сверху, с галереи их рассматривали придворные.

– Жаль, что это невозможно, я не прочь познакомиться поближе с этой малышкой!

– Фи, Крауль, она же дикарка, да к тому же ребёнок!

– Девушка – уже не ребёнок!

– Да, скоро её отправят из мастерских на кухню или в прачки и там она пропахнет едой и грязными тарелками.

– Откуда вы знаете?

– Фавир любит наведываться на кухню. А также Второй Советник и Распорядитель Охоты.

– Дамы, разве вам не обидно, что кавалеры предпочитают вам кухарок и белошвеек?

– Да и пусть, лишь бы дети появились! Но запахи кухни – ужасны, согласна.

– Вы Дурмея, так осведомлены о грязной посуде и грязном белье, это не пристало даме высшего света!

– Я в отличие от вас не пишу песни и поэмы, поэтому вижу не только прекрасное...

– Какие милые малыши! Глазки так и сияют...

– Вы слышали, Галдея, говорят, беременна...

– Она уже два года беременна! Но кажется, слишком уже злоупотребляет всеобщим вниманием...

– Да, помните Жавуина, когда её лжебеременность раскрыли, сказала: «Никто не запрещает мне быть беременной мечтой о ребёнке!»

– Говорят малыш... как его Мильхейм... малыш Сочинителя музыки, вовсе не от его супруги...

– Но как она скрывает это! Не показывалась, пока, якобы, не родила...

– Он похож на дикарёнка, не находите? Так чмокает свою мать и льнёт к ней даже на людях...

– Ох не завидуйте, Тимея, ведь вы ещё не замужем! Берите пример с малыша Мильхейма и почаще льните к владыке Нарану, вдруг вам повезёт...

– А лучше, Тимея, сразу отправляйтесь на кухню! Там где грязная посуда вьётся немало любвеобильных мужчин! – насмешливо произнесла Валем.

Она давно заметила группу придворных, сплетничающих на галерее и подошла поближе, чтобы послушать.

– Госпожа Валем! – придворные поклонились и поспешно разошлись готовиться к балу. Валем вернулась к Андияку, который тоже смотрел на детей.

– Впервые видишь таких?

– Да. Кто это?

– Наши будущие слуги. А пока они проходят обучение в нижнем городе.

– Они не похожи на слуг.

– Они – дети, к тому же дикие, к тому же недавно перемещённые. Нужно чтобы они забыли, кто они, прежде чем станут нашими слугами, а то... мало ли что...

– Мама...

Валем вздрогнула, потому что, когда Андияк называл её мамой, она словно перемещённая, делала всё, что он ни попросит.

– Мама, я хочу, чтобы я... чтобы мы завели себе этого мальчика. – Андияк указал на взъерошенного Травлика, который уже отдал свой шар Завитушке и теперь глазел по сторонам.

– Хм... А что ты будешь с ним делать?

Андияк посмотрел ей в глаза. Валею давно не видела его таким воодушевлённым.

– Дрессировать!

Госпожа приложила руку ко лбу, демонстрируя сыну, что обдумывает его просьбу. Она и вправду обдумывала.

«Он развивается необычайно быстро. Возможно, уже созрел, чтобы тренироваться в перемещении. Надо же начинать на ком-то...» Валею вспомнила свои первые опыты в перемещении на молоденькой служанке. «Я буду кружиться, пока не упаду» или «Я возьму пирожное и брошу его в придворного лекаря».

– Позовите мне дрессу Конту!

Все стеклянные луны были на своих местах, зал для пиршеств стал ещё великолепнее. Завитушка смотрела на результат своих трудов, как замороженная. В её груди бились не осознанные воспоминания о былом счастье. Не радость, а какие-то смутные очертания радости. В это время Конта Справедливая взяла Травлика за руку и отвела на верхнюю галерею.

– Как мы его назовём? – спросила Валею у сына.

– Джок! – сразу же, ответил Андияк, словно только этого вопроса он и ждал.

Валею приподняла бровь, но ни о чём больше спрашивать не стала.

– Здравствуй, малыш! *Скажи и помни: тебя зовут Джок!*

– Меня зовут Джок, – повторил Травлик, и тут грянула музыка, открывающая праздник Янтарной Луны.

Лириис хлопнул в ладоши, и зал наполнился слугами с серебряными блюдами и хрустальными кубками. Подготовка пира близилась к концу. Конта увела детей в нижний город по узким коридорам, казавшимся особенно тёмными после ослепительного блеска главного зала.

– Конта Справедливая!

Дресса обернулась и увидела Завитушку, которая с тревогой смотрела на неё.

– Травлик пропал, мы должны вернуться!

– Не должны. Мальчику оказали огромную честь. Он принят в семью Его Владычества, – успокоила её Конта.

Завитушка не нашлась, что ответить и не придумала, что спросить. Только что в главной зале она испытала призрачную радость, а теперь смутная тревога напомнила ей о себе. Словно подобное уже случилось в её жизни.

– Не беспокойся, Завитушка. Ты – молодец. Ты украсила самый любимый праздник Лунадана.

Х. Заоблачная усадьба*

В Заоблачной усадьбе, стоявшей на вершине дворцового холма, никто не ждал гостей. Однако, когда он появился на пороге, никто не стал докладывать, о его появлении или спрашивать хозяина, впускать гостя или нет.

Энна, придворный Мастер Луны, практически, не покидал своего жилища и не любил появляться при дворе. Но он всегда был рад видеть своего племянника.

– Наран, вот и ты! А я как раз приготовил тыквенный пирог к празднику Янтарной Луны!

Дядя и племянник тепло обнялись, и Энна внимательно взгляделся в Нарана, который давно у него не появлялся.

– Чувствую, тебе есть, что рассказать мне... есть что спросить... да?

– Ты как всегда, чувствуешь, видишь и понимаешь.

– Да, ты влюблён, это сразу заметно!

– Правда?

– Это просто увидеть тому, кто тоже был влюблён, кто знает трепет сердца, – сказал нараспев Энна, кромсая пирог ножом и разливая янтарный эль по хрустальным кубкам.

Наран развалился в кресле и прикрыл глаза, раздумывая о том, как рассказать дяде о своей возлюбленной. Неожиданно ему на колени прыгнула большая чёрная кошка.

«Привет, Наран!» – услышал он в своей голове.

«Привет, Кампея» – ответил он.

«Расскажи сперва мне» – кошка боднула его головой, и он положил руку на её чёрную гладкую спину.

Энна успел сделать только глоток эля, а его жена в облике кошки уже знала всё о приключениях владыки.

– Вы пообщались? Здорово. Бери свой кубок, и выпьем за Луну Янтарной Благодати!

Кампея была женой мастера Луны. Несколько десятков лун назад она заболела. Недуг сковал её, сделав ни живой, ни мёртвой. Бездвижное тело Кампеи лежало в верхней башне усадьбы, чтобы быть ближе к Луне. А душу Энна перемещал в разных животных, насколько хватало их жизни.

В этот раз Кампея находилась в теле чёрной кошки. Способность перемещать души в тела животных считалась редкой, если не исключительной среди лунадан. Энна был Мастером Луны, поэтому мог перемещать не только души, но воду, камни и всё живое. Правда выражалось это в том, что он превосходно готовил, делал напитки, слышал деревья и растения, мог вырастить из кристалла кубки, из которых они сейчас пили вино.

Кампея о чём-то поразмышляла, пока вылизывала себе лапы, и прыгнула на колени к Энне.

– Это правда? Что я говорю! Конечно, всё это – правда! Но как такое могло случиться? Да ещё с тобой! С Владыкой Лунадана?

– Что ты думаешь об Ауе? О Лаге? Я впервые сталкиваюсь с подобным. – Наран вспомнил себя молодым и неуверенным в себе правителем. В те времена Энна всегда помогал ему советом или притчей из былых времён.

– Знаешь, чем дольше я живу, тем больше убеждаюсь, что запредельные лунаданы, хоть мы и называем их дикарями, более благородны и великодушны, чем мы. Наши с тобой предки решили подчинить их себе после очень странного происшествия, больше похожего на заранее спланированную кем-то мерзость.

Энна встал, так взволновала его эта тема.

– На встрече четырёх владык трое объявили войну всему Лунадану. Ни с того ни с его! И потом, тебе не кажется странным, что именно запредельные лунаданы, объявили её нам?

Ведь им, по правде, ничего от нас не нужно, когда у них есть свои реки-озёра, леса-горы! А вот нам... от них много что нужно. Мы быстро утратили свои способности сливаться с природой, сосредоточившись только на управлении другими людьми.

Наран внимательно слушал. Ему сегодня хотелось только слушать Энну и смотреть в немигающие глаза Кампеи.

– Мельчаем мы! Хотя и называем себя «высшими»! Из всех семи лун, способны услышать только Чёрную и Подлую. Сегодня все празднуют Янтарную луну, Луну Благодати, Луну Даров. Но от даров мы сами давно отказались! Нам нужны только подношения! Правильно, на подарок надо отвечать подарком и благодарностью, а подношения можно просто брать и всё!

Энна в сердцах брякнул кубком по столу и янтарный эль расплескался. Он провёл рукой и лужица исчезла.

«Так пить эль я пока не умею,» – усмехнулся про себя Владыка, а вслух сказал:

– Я тоже думаю, что низш... запредельные лунаданы не опасны для нас. Однако, Валем и высший свет будут другого мнения.

– Я всё время переживаю за тебя, из-за этого! Уж больно ты одинок там у себя во дворце. Но, смотри, и твоя душа расцвела, наконец! Кампея говорит, что счастлива за тебя!

– Это второй вопрос и скорее адресован он ей.

На этих словах кошка спрыгнула с колен Энны, чтобы уютно разместиться бок о бок с Нараном.

“Да. Говори”.

“Где я могу найти лесную деву? И захочет ли она со мной встречаться?”

“Ты ищешь близости с ней? Хочешь от неё котят?”

“Хочу от неё котят, еленят, ежат... кто родится у лесных дев?”

“Прости. Я не специально. Я всё время забываю, что я настолько похотлива и настолько ...кошка”.

“Почему она исчезла и ничего не сказала?”

“Да всё она сказала, Наран. Вы мужчины, способны на слияние, но не способны слышать главное. Она же сказала, что любит тебя.”

“И исчезла! “

“А мы женщины любим создавать вам трудности, чтобы посмотреть, как вы будете из них выбираться.”

“Зачем?”

“Чтобы лишний раз убедиться, что сделали правильный выбор. *«Радуйтесь! Подвигом сердце своё озарив. Радуйтесь, чащу награды после испив!»*

Кампея, как показалось Нарану, насмешливо посмотрела на него.

– Что-то интересное вы там обсуждаете! И не вздумай гладить мою жену! – пошутил Энна и налил ещё эля.

«От даров мы сами отказались, нам нужны только подношения...» – вспоминал Наран слова Энны, когда шёл по узким улицам, завернувшись в плащ и надвинув шляпу на самые глаза. Но ему не было нужды скрываться – все жители верхнего города были уже во дворце, над которым ярко светила Янтарная Луна. Незаметно пробравшись во дворец, он заглянул в дворцовые загоны, где мирно дышали, похрустывая зерном, елени, пока егери веселились на празднике.

– Кто здесь? – лицо Нарана осветил фонарь. Владыка снял шляпу.

– Служу Вашему владычеству... – поклонился ему молодой юноша.

– Как тебя зовут, егерь?

– Осик, Ваше владычество.

– Остался за главного?

– Да, все на празднике.

- Скажи, Осик, ты знаешь егеря по имени Лаг?
- Да, он обучал меня. Но... Ваше владычество, он, говорят, погиб на последней охоте, когда брали кабана.
- Ты видел его тело?
- Нет, но мастер Дорн его видел и... похоронил там же в лесу.
- Мастер?
- Дорн, Ваше владычество, он следопыт.
- «Как интересно...» – подумал Наран, а вслух сказал:
- *Скажи и помни, Осик: Ты забыл, о чём мы только что говорили.*
- Я забыл о чём мы только что говорили.
- До свиданья, Осик.
- До свиданья, Ваше владычество, с праздником Янтарной Луны!

Через тайную дверь Наран зашёл во дворец и, никем не замеченный, поднялся в свои покои. Там, он переоделся в свои праздничные одежды, которые редко, когда надевал: золотую тунику с драгоценным поясом и широкий плащ с перелиной, отороченной мехом горной лисицы. Завершила образ корона Владыки Лунадана.

Наран посмотрел на своё величественное отражение в мутной поверхности огромного серебряного зеркала и усмехнулся. Так далека была его душа сейчас от всего этого.

XI. Праздник Янтарной Луны*

– Его Владычество Наран, сын Мера, Владыка Лунадана, Мастер Души, избранник Зелёной Луны! – провозгласил герольд, и музыка смолкла.

Весь двор склонился в почтительном поклоне, пока владыка шёл к своему трону. Наран залюбовался главным залом, украшенным светильниками, лучившимися янтарным светом лунной благодати. Этот свет даже отвлёк его, заставив забыть события последних дней.

Наран сел на трон и подал знак придворным, разрешая им выйти из поклона.

– Я хочу чтобы сегодня все открылись благодати Янтарной Луны. С этого дня я отменяю подношения. Мы должны вспомнить истинное значение этого праздника, а оно заключается в умении принимать и совершать дары. Дар жизни, дар дружбы, дар любви, дар перемещения. Пусть каждый сегодня осознает, кому и за что он благодарен и сделает ответный дар от чистого сердца. А теперь, примите этот пир, как мой дар вам всем за вашу любовь и верность!

Наран сделал жест рукой и заиграла музыка, а придворные красивыми рядами стали исполнять танец, который так неистово репетировали накануне. Удивительное было зрелище. Придворные двигались слаженно, в такт и при этом их лица были открыты и беззаботны, они могли не думать о ритме и движениях, всё выходило само собой.

Жители дворцового города двигались и улыбались, разглядывали друг друга и может, впервые за всё время относились друг к другу добросердечно. Издёвка Валем обратилась в наслаждение для общества, радостно объединившемся в танце.

Но Валем этого не замечала. Она подошла к трону и встала сбоку от Его Владычества.

– Приветствую тебя, отец моего сына!

– Приветствую тебя, мать моего дитя.

– Хорошая речь о дарах. Сегодня Андияк получил уже подарок от твоего имени.

– Да? И какой же?

– Дикого мальчика из нижнего города.

Наран впервые оторвал глаза от танцующих придворных и посмотрел на Валем. По её телу прошла волна наслаждения от эффекта собственных слов.

Она ждала, что Наран ей что-то скажет, но он ничего не говорил, просто смотрел.

– Он развивается быстрее, всё схватывает на лету, всё понимает. Пришло время испытать способности, которыми его одарила Чёрная Луна.

– Да хранит Луна бедное дитя, – сказал Наран и встал с трона.

– Да начнётся Пир Лунной Благодати! – крикнул подмечавший всё во-время глашатай, и пир начался.

Только сев за стол, который буквально ломился от кушаний и напитков, Наран понял, насколько проголодался. Слава Луне, он сидел в окружении своих друзей по охоте, которые умели радоваться жизни, произносить тосты и славить дары Янтарной Луны.

Скоро янтарный эль стал настоящим владыкой пиршественного застолья. Голоса стали громче, шутки смелее, а старший егерь соревновался с мастером охоты в умении подражать звукам животных.

– Ваше Владычество! Примите в дар меня! Услышал Наран тихий голос за спиной.

– Что ты говоришь, девушка, мы тебя плохо слышим! – прокричал охотник Фамир наперекор музыке.

«Идиот!» – подумал Наран, взял девушку за руку и мысленно приказал ей сесть на место и продолжить веселиться.

Девушка покорно удалилась, под пристальным взглядом Валем и прочих придворных дам.

Мастер охоты изображал любовную песнь сойки, а главный егерь брачный крик елени.

В разгар хохота и звона хрустальных кубков слуга подошёл к Главному Егерю и что-то шепнул ему на ухо. Егерь закашлялся, утёр своё раскрасневшееся от эля лицо и посмотрел на Нарана:

– Владыка, только что сообщили. Аун вернулся.

Первым желанием Нарана, было вскочить и бежать туда, где он сегодня уже был – в стойла к еленям. Но он сдержался. Владыка внимательно оглядел рядом сидевших охотников и особенно лицо следопыта. Охотники не услышали или не поняли смысл сообщения, а следопыт обнимался с Хранительницей Дворцовых Перин. Наран поманил пальцем главного егеря. Когда тот склонился к нему, Наран прошептал ему на ухо:

– *Скажи и помни...*

– Ваше Владычество! – Дама то ли Розовых Подушек, то ли Голубых Лент обращалась к нему, видимо, по воле всё того же янтарного эля, – Дамы всего вашего двора имеют дерзость поинтересоваться – почему вы перестали появляться в зале наслаждений?

«Спасибо тебе, милая!» – подумал Наран, потому что это было то, что нужно.

– Моё Владычество просит прощения у всех придворных дам, желающих моего внимания! – Наран встал и продолжил свою речь:

– Сегодня в день Янтарной Луны, я принимаю дар юной девы и приглашаю её в зал наслаждений!

Под аплодисменты зала Наран взял девушку за руку, и вместе они покинули шумный пир.

Всю дорогу он молчал, а она робко смотрела на его пугающе решительное лицо: никаких шуток или комплиментов, обычно сопровождающих подобные свидания между мужчиной и женщиной. Двери зала наслаждения распахнулись и тут же бесшумно затворились, двое лакеев снаружи преградили вход всем желающим проникнуть внутрь.

В мягкой тишине зала, предназначенного для личных свиданий Владыки, заиграли невидимые арфы, воскурился дивный фимиам с терпким запахом тигровых роз, возбуждающих пылкие фантазии для сладостных утех.

– Меня зовут Тимея... только и смогла сказать девушка.

– Меня зовут Наран, – сказал владыка.

Он отстегнул свой роскошный плащ и сбросил драгоценный пояс на пол.

Девушка потянула за ленту, опоясывавшую платье и через мгновение стояла перед ним абсолютно нагая.

Наран взял в ладонь её грудь, затем провел рукой по её струящимся светлым волосам и повёл на ложе, усыпанное лепестками тигровых роз.

– *Скажи и помни*, Тимея: Ты провела лучшую ночь в своей жизни с Владыкой Лунадана.

– Я провела лучшую в моей жизни ночь с Владыкой Лунадана.

– Ты выйдешь отсюда в час полуденных фонтанов.

– Я выйду отсюда в час полуденных фонтанов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.